ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2022.02.09

М.А. Фельдман

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *Статья посвящена осмыслению итогов исторических исследований реализации Индустриального проекта в годы Первой пятилетки. Замысел первого пятилетнего плана был обширен: впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов; определялся широкий круг социальных программ. В статье отмечается, что осознание пагубности социально-экономического курса в годы Первой пятилетки привело советское руководство к убеждению в необходимости более рациональной политики. Возникшая в результате «миниреформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в «командно-административной» модели. Осмысление событий Первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа «создания фундамента социалистической экономики». Современным историкам удалось выявить и реконструировать механизмы конфликта между государством и обществом в годы Первой пятилетки, как ценностного конфликта между модернизацией и традицией. Однако малоизученными остаются пути минимизации указанных противоречий; выявление сил, способных решать политические и экономические конфликты.*

Ключевые слова*: пятилетка; план; СССР; промышленность; партия; экономика; пленум; индустриализация; мифология; идеология.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Россия, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300
Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Feldman M.A. Implementation of an industrial project during the First Five-year Plan: questions of historiography

Abstract. *The article is devoted to understanding the results of historical research on the implementation of an Industrial project during the first five-year plan. The idea of the first five-year plan was extensive: for the first time in world history, a proportional and balanced development of regional and sectoral potential was planned within the framework of the state plan; a wide range of social programs was defined. The article notes that the awareness of the perniciousness of the socio-economic course during the First Five-Year Plan led the Soviet leadership to believe in the need for a more rational policy. The Soviet economic system that emerged as a result of the «mini-reforms» of 1931–1933 under Stalin (and after him) constantly embodied several important features that were absent in the «command and administrative» model. The comprehension of the events of the first five-year plan was complicated by the constructed mythological space, which included ideological constructs such as «creating the foundation of the socialist economy». Modern historians have managed to identify and reconstruct the mechanisms of the conflict between the state and society during the First Five-year Plan, as a «value conflict between modernization and tradition». However, the ways to minimize these contradictions remain poorly understood, as is the identification of forces capable of solving political and economic conflicts.*

Keywords*: five-year plan; plan; USSR; industry; party; economy; plenum; industrialization; mythology; ideology.*

Feldman Mikhail Arkadevich – doctor of historical sciences, Professor,
Ural Institute of Management is a Branch of the presidential Academy
of national economy and public administration. Russia, Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Историография рассматриваемой проблемы только формально подразделяется на два этапа: советский и постсоветский. При всем том, что первый период был «скован одной методологической цепью», накопление трудов, изданных в период «оттепели» в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов [Дробижев 1966], дало своеобразный синергетический эффект во второй половине 1980-х годов [Гордон, Клопов 1989], положив начало прощанию с целым рядом сталинских догм в оценках роли Первого пятилетнего плана; характера его вынужденной эволюции, итогов Первой пятилетки.

В постсоветский период внимание историков, как правило, было сфокусировано на общем фоне, с одной стороны, усилившегося в последние годы тренда безальтернативности сталинского варианта индустриализации [Сенявский 2020] с другой – парадигмы о необходимости рассмотрения внутренней политики в СССР в годы Первой пятилетки исключительно в «контексте со-

временного опыта экстремизма и терроризма» [Трукан 1994]. Волнообразная линия исследований последнего 30-летия – закономерное следствие наложения столь противоречивых векторов. Если дискуссии историков, посвященные столетию Октябрьской революции [Российская революция 2017]; аналогичной дате Гражданской войны, выявили в период 2017–2018 гг. определенное сближение позиций [Россия 2018], то взгляды исследователей на возможности потенциала нэпа в ходе индустриализации на рубеже 1920–1930-х годов далеки от консенсуса [Мухин 2020].

Значительное влияние на изучение вопросов индустриализации в СССР в годы Первой пятилетки оказали труды западных исследователей экономики Советского государства, историков, сумевших подняться над идеологическими и отраслевыми барьерами, в частности Э. Дэвиса, Р. Такера, П. Грегори, Р. Аллена. Очевидно и определенное торможение исследований, обусловленное, как подчеркивает О.В. Хлевнюк, неразработанностью инструментов исследования вариантности в советскую эпоху [Хлевнюк 2017, с. 76].

Для изучения состояния современной историографии систематизируем ряд важных вопросов в отдельные блоки.

Первый блок включает вопросы, посвященные эволюции представлений и практических действий правящей партии о путях реализации Индустриального проекта в годы Первой пятилетки, методах управления сферой промышленности. Стало ли время между двумя Пленумами ЦК ВКП (б) – от Ноябрьского (1929) до Январского (1933) – периодом переоценки управленческих ценностей?

Второй блок касается исследований, посвященных судьбе Первого пятилетнего плана: какие предпосылки для реализации Первого пятилетнего плана были созданы в годы нэпа? В какой степени были использованы потенциальные возможности экономики нэпа; позволяла ли многоукладная экономика в СССР выполнить основные задачи Первого пятилетнего плана? В чем заключается научное наследие Первого пятилетнего плана, и в том числе проблема рационального размещения промышленности? Каковы реальные итоги Первой пятилетки в экономической и социальной сферах?

Третий блок касается изучения проблем взаимоотношений советского руководства, региональных лидеров с представителями науки и инженерного корпуса. Означало ли утверждение командно-административной системы исключение влияния науки и мнения специалистов на принятие решений чиновниками всех уровней?

Четвертый блок охватывает историографию проблематики взаимоотношений рабочего социума и властных структур.

Вся история отношений большевизма и модернизации, большевизма и науки представляла собой постоянную борьбу рационального и утопического. Логика рационального пробуждала у части большевиков-хозяйственников

приверженность научным принципам в экономической и научной практике. В то же время логика утопической доктрины, противоречащей жизненному бытию, встречая сопротивление различных слоев общества, обращала большевизм к «чрезвычайщине» и террору. По мере развития индустриального общества, даже в относительно короткий период Первой пятилетки, чрезвычайные меры превратились в перманентную практику сталинизма, но они же в начале 1930-х годов стали причиной катастрофы в экономике и многочисленных крестьянских выступлений в деревне; забастовок на промышленных предприятиях. Выход из создавшейся ситуации зависел от гибкости взаимодействия власти и общества.

Судьба страны во многом зависела от реализации «Манифеста» индустриализации – Первого пятилетнего плана. Если в трудах советских историков волюнтаристское увеличение показателей пятилетнего плана рассматривалось, как «торжество научной политики» ВКП (б) [Исторический опыт 1971], то с конца 1980-х годов в научных исследованиях прослеживается линия на нарастающую деформацию плановых документов и как следствие – утрату научного значения Первого пятилетнего плана [Попов, Шмелев 1989, с. 284–326].

Следует отдать должное трудам американского историка Р. Такера и британского – Э. Дэвиса, сумевших проследить эволюцию общих взглядов руководства СССР на экономический курс в начале 1930-х годов. Как подчеркивал Такер, миф о «безграничных возможностях государства» привел Сталина к той степени экономического экстремизма, за которой начиналось «вакханальное планирование» и превращение плановой экономики в свою противоположность. Осознание пагубности социально-экономического курса в годы Первой пятилетки привело советское руководство к убеждению в необходимости более рациональной политики [Такер 2012, с. 123–124]. Одновременно, ответом Сталина стал политический маневр: согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек запустил противовес – «общепартийную чистку». Начавшаяся 1 июня 1933 г. сначала в десяти крупнейших городах СССР, она привела к исключению из партии каждого шестого коммуниста, вызванного в «комиссии по чистке» [Такер 2012, с. 301].

Э. Дэвису принадлежит форматирование эволюционных мер советского руководства в разряд «минireформ». Как отмечает британский историк, поиски выхода из кризиса вынудили Сталина и его окружение приступить к ряду стабилизационных мер, получивших в монографии название «минireформы», отсчет которых Дэвис начинает с проведения (30 января по 4 февраля 1931 г.) Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных контрольных структур [Davies 1996, p. 11].

«Минireформы», согласно концепции Дэвиса, предполагали использование не только административных методов, но и различные формы стимулирования заработной платы, применение ограниченных рыночных рычагов. Возникшая в результате «минireформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в "командно-административной" модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а "экономический учет" ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы. Труд контролировался не только административными приказами, но и посредством стимулирования заработной платы; существовал "квазирынок" для труда» [Davies 1996, p. XV]. Таким образом, в научную литературу был внесен новый объект исследования – командная система, но со стихийно действующими на всех уровнях производства и распределения рыночными и квазирыночными особенностями.

Исследователи обратили внимание на то, что определенное отрезвление после кризиса 1930–1931 гг. сопровождалось нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата [Дэвис 1994]. Официальное констатирование победы социалистического сектора экономики (на деле – государственного) уживалось с неофициальным признанием существования квазирыночных отношений – некой комбинации элементов «чрезвычайных мер» и рыночных методов регулирования экономики.

Решения Январского (1933) Пленума ЦК ВКП (б), официально осудившего принципы форсированного развития, позволяли руководителям наркоматов и ведомств более полно считаться с социально-экономическими реальностями. Для участников Пленума ЦК ВКП (б) в январе 1933 г., подводящего итоги Первой пятилетки, руководителей наркоматов и ведомств, региональных лидеров, отвечавших за конкретные региональные или хозяйственные проекты, было очевидно, что переход к умеренному курсу является косвенным признанием провала политики «большого скачка» [Фельдман 2021].

Однако в какой степени можно говорить о коллективном прозрении и переосмыслении допущенных перегибов представителями советской элиты? – вопрос остается открытым. Это же следует сказать и в отношении общей оценки «минireформ»: перед нами – генеральный курс экономической политики или вариант вынужденной мимикрии?

Развивая мысль Дэвиса, современные историки смогли углубить представления о возникшем в годы Первой пятилетки «гибриде», существовавшем в недрах советской экономики. С указанного времени (1932), пишет Ш. Мерль, командная экономика начала сливаться с «теневой», сохраняя широчайшее пространство действия неформальной рыночной экономики»

[Мерль 2017]. По мнению Е.А. Осокиной, внедрение сверху принудительно командной экономики уродовало рынок, но не могло искоренить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он, выполняя важнейшие социально-экономические функции, помогал плановой экономике компенсировать дефицит товаров и перераспределять товарные ресурсы [Осокина 2008].

Исследование, проведенное под руководством российских историков Л.И. Бородкина, О.В. Хлевнюка и американского экономиста Пола Грегори, позволило выявить взаимосвязь форсированной сталинской индустриализации и расширения зоны принудительного труда; уточнить масштабы использования принудительного труда в годы Первой пятилетки; изучить характер взаимоотношений властных структур и специалистов и рабочих, оказавшихся в системе ГУЛАГа [Гулаг 2005]. Обобщающий характер носит суждение О.В. Хлевнюка: в советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и средств между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные, и, как правило, нелегальные товарно-денежные отношения [Хлевнюк 2017, с. 75].

Как видно, пример «союзнических отношений» в науке – тесное взаимодействие отечественных исследователей и тех их зарубежных коллег, кто на протяжении десятков лет добросовестно занимался советской историей – дал позитивный результат, позволив совершить методологический прорыв в постижении экономики СССР. Понимание характера существования внутри командно-административной экономики СССР, многообразия связующих квазирыночных связей, позволило историческим исследованиям выйти из научного тупика.

К разряду прорывных следует отнести исследование А.В. Маркевича о степени управляемости советской экономики в годы первых пятилеток [Маркевич 2003]. Маркевич, изучивший протоколы коллегий наркомата тяжелой промышленности за 1930-е годы пришел, на первый взгляд, к парадоксальному выводу. Из протоколов коллегий наркоматов следовало, что коллегии не утверждали и даже не рассматривали «общие» годовые планы наркоматов. Процесс годового планирования в коллегии наркомата заканчивался одобрением плановых заданий главкам. Максимум, что рассматривала коллегия – это итоговые варианты годовых планов наркомата по труду и себестоимости, финансовые планы, планы распределения.

Внешняя парадоксальность вывода Маркевича о стремительной переменчивости планов хорошо вписывается в определение «управляемая экономика», и достаточно далека от категории «плановая». Как видно, само понимание характера власти, характера управления советской экономики заметно изменилось за прошедшие годы постсоветского периода.

Бесспорным вкладом в понимание мобилизационных механизмов и технологий, позволявших властным структурам «концентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнение провозглашенных целей» стала, предложенная С.А. Красильниковым, концепция феномена социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х – 1930-е годы) [Красильников 2013]. Концепция включает модель исследования социального действия на макро-, мезо- микроуровнях, позволяющую выявить и проанализировать причины, факторы, механизмы, динамику и последствия изменений в раннесоветском обществе, включая диапазон векторов, масштабность, результативность и эффективность взаимодействия власти и различных социальных групп [Красильников 2020].

Очевидно, что исследование институциональных основ, механизмов и форм осуществления мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия структур власти и советского общества должно сверяться не только с достижениями экономической модернизации, но и с масштабом людских потерь, нерентабельных затрат, а также с содержанием альтернативных вариантов; быстротой осмысления допущенных ошибок.

Подводя итог историографии вопросов первого блока, следует заметить: изучение эволюции управленческих ценностей и управленческих решений партийно-хозяйственной элиты в годы Первой пятилетки находится на начальном этапе: исследователи смогли проследить зигзаги решений руководителей страны и регионов, но только подступили к определению их эффективности в сравнении с альтернативными вариантами.

Судьба Первого пятилетнего плана – своеобразного моста между партийно-хозяйственной элитой и обществом – была не обделена вниманием историков ни в советское [Звездин 1979], ни в постсоветское время [Эрлих 2010]. Тезис о последовательном углублении экономической теории и народнохозяйственного планирования на всем протяжении 1920-х годов – вошел в историческую литературу [Ясный 2012].

Однако в «сокровищницу» советской исторической науки прочно вошли сталинские оценки безальтернативной обусловленности резких перемен количественных показателей Первого пятилетнего плана; не замечалась замена научных дискуссий на борьбу с «классовыми врагами». Догматические штампы, наиболее полно прозвучавшие в 1935 г. в статье И.А. Гладкова, сам формат которой придавал ей статус «редакционной» [Гладков 1935], стали обязательными для всех советских историков, так же как и отнесение ученых-экономистов, отстаивающих научные принципы планирования – к разряду враждебных «буржуазных» специалистов. В вину Госплану, «засоренному» буржуазными специалистами, была поставлена «непростительная» ошибка: «ни в одном варианте Госплана не была поставлена задача сокращения доли частного капитала» [Гладков 1935, с. 122].

Основные выводы и характеристики статьи Гладкова сохранились и в таких официальных изданиях, как История социалистической экономики [История 1977] и История советского рабочего класса [История 1984], в историографических трудах В.З. Лельчука [Лельчук 1975], считавшихся классическими в доперестроечный период.

Новацией в работах Лельчука было указание на глобальный разрыв запланированных и достигнутых показателей развития промышленности; на связь «низкой культуры труда» и «каждой второй аварии на производстве», а такжена «сужение сферы действия экономических рычагов управления», и повсеместность слабой производственной дисциплины [Лельчук1984, с. 183].

Отдавая должное А.М. Беляновой и З.К. Звездину – авторам солидных и не потерявших научной значимости монографий, сумевших выделить этапы внесения изменений в содержание Первого пятилетнего плана, дать характеристику методов формирования плановых заданий в 1926–1930 гг. [Белянова 1974] – отметим и зависимость исследователей советского периода от идеологических догм. Аксиомой исторической науки советской эпохи было признание безусловной научной обоснованности действий руководства СССР, в частности дальнейшей централизации управления и концентрации рычагов управления в руках центральных ведомств.

Только непосредственное обращение к первоисточникам позволяло исследователям хотя бы частично вырваться из круга марксистских (и псевдомарксистских) догм. Характерно в связи с этим изучение истории создания проекта Генерального плана развития народного хозяйства СССР в очерке В.А. Погребинской (1979): на первый план выходила не борьба с «незрелыми» буржуазными экономистами, а преемственность научной мысли на протяжении 1920-х годов [Погребинская 1979].

Необоснованная критика Сталиным концепции планирования, ориентирующейся на сбалансированный рост отраслей экономики, обернулась затяжным отставанием советской экономической науки. Например, моделирование товарно-денежных отношений было практически прекращено вплоть до конца 1950-х годов. Репрессии против ученых-экономистов привели к снижению общей научной культуры экономистов – и исследователей, и практиков [Белых 1990, с. 32, 51].

На рубеже 1920–1930-х годов принуждение становится главным методом общения власти и представителей науки, но это только снизило эффективность научного процесса. С конца 1920-х годов перестали выходить многие экономические журналы, в том числе, «Экономическое обозрение» и «Экономический бюллетень» Конъюнктурного института. В это же время на Западе начался период развития эконометрических исследований как синтеза экономической науки, статистики и математики [Белых 2011, с. 115].

Тем не менее очевидно, что Первый пятилетний план, задержавшись из-за внутрипартийной борьбы как минимум на год в «пеленках» многочисленных вариантов, жил своей собственной жизнью, требуя осмысления реальности начала 1930-х годов. Как уже отмечалось, Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности (30 января – 4 февраля 1931 г.) стала первым шагом на этом пути. Уточняя причины созыва конференции, О.В. Хлевнюк подчеркивает: огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках. Индустриальные скачки, непомерное увеличение капитальных вложений в тяжелую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого «спецеедства», падение дисциплины на производстве привели к кризису в советской промышленности [Хлевнюк 2010, с. 84].

Резолюции конференции, требуя укрепить хозрасчет, установить договорные отношения и материальную ответственность предприятий-поставщиков перед заказчиками, фактически являлись своеобразной формой косвенной критики политики штурма и внеэкономических командных методов управления [Хлевнюк 2010, с. 113].

В современной исторической литературе подчеркивается, что своеобразной реабилитацией варианта Первого пятилетнего плана, рожденного в годы нэпа, стали документы Январского (1933) Пленума ЦК. Вынужденное обращение Сталина к варианту Пятилетнего плана, одобренному Пятым съездом Советов СССР в мае 1929 г. (по докладу председателя СНК СССР А.И. Рыкова – лидера так называемых «правых») как к наиболее верному свидетельствовало, что «корабль» Первого пятилетнего плана, при всех значительных деформациях, выдержал испытание в кризисный период. Об этом же говорил и курс «минireформ», воплотивший в себя несколько важных черт, отсутствующих в «командно-административной» модели (товарно-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли) [Davies 1996, p. 317–319].

Выход в свет публикаций, поднимающих проблему финансовой обеспеченности индустриализации на основе сохранения нэповской многоукладной экономики – как адекватной экономической модели, способной решать действительно сложные и противоречивые задачи модернизации страны [Фельдман 2021] – можно рассматривать как начало нового переосмысления, казалось бы, уже отброшенного варианта развития. При этом если вопрос об источниках финансирования индустриализации в конце 1920-х годов получил определенное освещение [Черемисинов 2006], то проблему распределения, степени рациональности и эффективности расходования собранных денег следует отнести к разряду практически неизученных.

Выполнение задач Первого пятилетнего плана оказалось тесно связанным с постоянно менявшимися программами милитаризации экономики: как обоснованными, так и откровенно фантастическими [Кен 2002]. Исследователи обращают внимание на разбалансирование советской финансовой системы и экономики в целом, поскольку военные расходы увеличивались в тайне даже от работников Госплана. Секретность распределения капиталовложений прочно вошла в практику управления в СССР как составная часть общей скрытости данных о подлинной финансовой политике Советского государства [Кен 2002, с. 271].

Постоянные изменения в сторону увеличения количественных показателей оборонных программ затрудняли внедрение повышенных требований к качеству военной продукции [Маркевич 2004]. Например, анализируя «Докладную записку РКИ о состоянии танкостроения по итогам 1931–1932 гг.», А.К. Соколов обратил внимание на низкое качество окончательной сборки всех выпущенных танков, из которых «только немногие были укомплектованы, согласно техническим требованиям» [Соколов 2012, с. 202–203].

Следует сказать, что такое важное направление исследований, как анализ деятельности властных структур и хозяйственников по повышению качества выпускаемой промышленной продукции в годы Первой пятилетки зачастую представлено в формате описания призывов и резолюций. Сложность данной проблемы обусловлена еще и тем, указывает Б.М. Шпотов, что многие предприятия индустрии были оснащены американским оборудованием. Однако в СССР наука управления работниками наталкивалась на недоверие партийных функционеров к научным институтам, изучающим системы организации производства, неумение работать с импортной техникой (из-за чего она ломалась и простаивала), на нехватку материалов и контрольно-измерительных приборов, дефицит жилья, разногласия среди управленцев [Шпотов 2012, с. 129].

Рациональному размещению производительных сил в СССР в годы Перовой пятилетки в научной литературе и программных документах придавалось особое значение: оно должно было стать дополнительным источником повышения темпов социалистического строительства и помочь догнать и перегнать капиталистический Запад. Но конкретные условия первых пятилеток внесли изменения в «идеальную» схему размещения производительных сил: необходимость технического перевооружения страны вела к повышению роли машиностроения, что возлагало дополнительные задачи на старые промышленные районы. Первостепенное значение приобретали и сугубо оборонные задачи [Твердюкова 2010, с. 412].

Современные исследователи, анализируя качество территориального планирования, выделяют его специфические черты. По обоснованному утверждению А.В. Белова, особенности советской модели размещения эконо-

мического потенциала включали излишнюю специализацию регионов и недостаточную концентрацию промышленности. Положительной чертой этого являлось укрупнение предприятий и снижение издержек, отрицательной – неустойчивость монокультурной структуры и слабость эффектов концентрации и кластеризации [Белов 2012, с. 12].

Желание максимизировать экономию от масштаба вело к увеличению размеров предприятий, что в сочетании с установкой на равномерное пространственное развитие выражалось в сверхспециализации территорий. Привязка «соцкультбыта» к предприятиям заставляла рабочих и членов их семей расселяться в непосредственной близости от новых промышленных объектов [Белов 2012, с. 10].

В СССР с конца 20-х годов разрабатывалась идея промышленного комбината, предполагавшая тесные связи производственного объекта с другими предприятиями района, а также с местными источниками сырья, топлива и рабочей силы, а также потребителями продукции. Большинство комбинатов располагались на Урале, в Донбассе, Центральном районе. Однако комбинирование оказывалось зачастую оторванной от жизни задачей. Например, в Приложении к третьему тому Первого пятилетнего плана был дан перечень свыше 1400 новостроек по республикам и районам. На практике проекты планов в течение всего предвоенного десятилетия в значительной степени представляли собой сумму заявок с мест, в 2–3 раза превышающих реальные возможности регионов, которые стремились получить возможную сумму вложений [Твердюкова 2010, с. 414].

Таким образом, в исторической литературе присутствует понимание векторов, воздействовавших на характеристики Первого пятилетнего плана; описаны методы формирования плановых заданий; представлен ряд доказательств того, что многоукладная экономика в СССР была способна выполнить основные задачи Первого пятилетнего план.

Вместе с тем нуждается в дополнительном изучении вопрос: в какой степени в годы Первой пятилетки были использованы потенциальные возможности экономики нэпа? Опыт совмещения модернизации экономики и программы повышения уровня жизни населения остается актуальным и в плане содержания, и в плане расстановки приоритетов. В данном случае – что из себя представляла бы альтернативная модель развития, сочетающая сосуществование государственного и негосударственных секторов развития?

Проблема привлечения на сторону Советской власти того социального слоя, от которого более всего зависела борьба за качество промышленной продукции – специалистов всех уровней – была одной из ведущих в советской исторической науке. Ученые 1960–1980-х годов смогли выявить основные направления взаимодействия власти и инженерно-технического корпуса, демонстрируя понимание всех трудностей этого процесса [Главацкий 1974].

Многие из них, в постсоветский период, смогли продолжить свои исследования уже без идеологических барьеров [Научно-техническая 1993].

Судьба инженерно-технической интеллигенции в годы Первой пятилетки активно изучалась историками в последние десятилетия. Более успешно продвигались исследования, касающиеся репрессивных мер против специалистов [Красильников, Савин 2011]; анализа поведенческих установок [Осокина 2011].

Следует приветствовать появление исследований реальных жизненных практик специалистов в годы Первой пятилетки [Павлов 2010] даже с учетом того, что реконструкция жизненного пути директора промышленного предприятия в этот период носит единичный характер [Лейбович 2017]. Перспективным следует признать аналитические научные комментарии к (остается сожалеть, весьма редким) воспоминаниям представителей директорского корпуса [Евдошенко 2015].

Расширилась и углубилась проблематика исследований. Если в 1990-е годы общий тон задавали «черно-белые» темы, в рамках которых рассматривалась лишь линия отношений советской власти к интеллигенции с констатацией дискриминационного и репрессивного характера политики властей по отношению к специалистам, то в первые два десятилетия XXI в. тональность и постановка вопросов переходят в другую плоскость.

Исследователи вышли на принципиально новые вопросы: посреднические функции интеллигенции в социально-политических конфликтах, опыт «хождения во власть», оппозиционность интеллигенции политическим режимам, поведенческие стратегии интеллигенции в переломные эпохи, интеллигенция как субъект и проводник политических ценностей. Усиливается и расширяется «профессиональное» направление, когда исследователи рассматривают специфику взаимоотношений власти и отдельной профессиональной группы интеллигенции [Никитина 2007].

Важную роль в формировании специалистов промышленности как особой профессиональной группы в годы Первой пятилетки играло взаимодействие советских и иностранных инженеров и техников. В ноябре 1932 г., по оценке германского историка С. Шаттенберг, в СССР работали 5 тыс. иностранных инженеров, половина – немецкие; от одной пятой до одной трети – американские. Чтобы «американизировать» советских инженеров, их не только ставили под начало американцев, но и посылали в другие страны. В 1928 г. планировалось отправить на стажировку за границу 250 молодых специалистов в 1929 г. – 600 человек. Иностранные фирмы участвовали в проектировании советских предприятий, посылали на них своих консультантов для наблюдения за работами, помогали осваивать новые производственные технологии. На 1931 г. существовало 134 таких соглашений почти во всех отраслях промышленности. Из 218 контрактов, действовавших с 1930 по 1945 г., 64% были заключены с американскими фирмами; 15% – с германскими [Шаттенберг 2011, с. 264–265].

Возможности такого взаимовыгодного сотрудничества, по мнению исследователей, были использованы только частично: сказывалось недоверие советских чиновников к «буржуазным специалистам»; провокационные действия профсоюзных работников и сотрудников НКВД; невыполнение условий соглашений и т.д. [Шпотов 2011]. Очевидна необходимость специального исследования, суммирующего вклад иностранных инженеров и техников в выполнение заданий Пятилетнего плана.

Признание наличия квазирыночных отношений в советской экономике открывает новую область исследований работы специалистов всех уровней в формате дифференциации официальных и неофициальных связей и отношений. Например, к разряду малоизученных следует отнести проблему воздействия ученых и специалистов на властные структуры в конкретно-исторические периоды времени. Тезис о том, что активизм поддержки действующих государственных институтов сочетался с противоположной позицией оппозиционного протеста и поведенческого конформизма внутри каждого из социальных слоев советского общества – нуждается в ряде комплексных исследований.

Рабочая история периода Первой пятилетки в советский период была насыщена публикациями о количественных изменениях в составе рабочего социума. Складывалась, однако, парадоксальная картина: в трудах историков описывались, за небольшим исключением, только позитивные изменения в рабочей среде [Панфилова 1964]. Вместе с тем публикуемый обширный и далеко не однозначный статистический материал порождал массу вопросов у исследователей. Например, сообщение А.И. Вдовина и В.З. Дробижева о сокращении доли малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих с 81,5 до 59,5% за период 1925–1937 гг. непроизвольно указывало на преобладание рабочих с низкой профессиональной подготовкой и после «победы социалистических отношений в СССР» [Вдовин, Дробижев 1976, с. 209].

Совершенствовались методы исследований, вовлекались в научный оборот новые источники [Дробижев, Соколов 1975], но традиция «умолчания», ухода от ответов на острые вопросы продолжала существовать. Трагическая судьба историков «нового направления» в начале 1970-х годов [Поликарпов 1989], казалось бы, предостерегала исследователей от самостоятельности выводов.

Важным направлением исследований было изучение основных тенденций развития промышленных рабочих в тех областях, в которых за годы советской власти произошли наиболее глубокие изменения. Речь идет, прежде всего, о переменах в области технической и общеобразовательной подготовки рабочих. Эти вопросы нашли обстоятельное отражение как в специальных работах [Батышев 1974], так и в обобщающих трудах, посвященных истории рабочих крупной промышленности [Ворожейкин 1975]. Общим недостатком названных работ было акцентирование внимания исключительно на тех из-

менениях характеристик рабочих, которые подтверждали концепцию «класса-гегемона». Наиболее полно это проявлялось в работах, посвященных различным формам социалистического соревнования [Ворожейкин 1984], весьма далеких от реальных жизненных процессов.

Идеологические штампы прочно вошли в научный обиход и стали классическими в работах историков. «За годы Первой пятилетки рабочий класс не только вырос в количественном отношении, но и улучшился качественно; выросло его классовое самосознание и чувство хозяина своей страны» [Панфилова 1964, с. 174] – вывод «образцовой» книги А.М. Памфиловой, опубликованной в 1964 г., был столь же категоричным, как и оценки этого периода в официальных документах. В постсоветское время акцент делался на страданиях и лишениях советских рабочих, действительно имевших место [Иванов 1998].

Начало XXI в. позволило по-новому взглянуть на состояние исторических исследований по рабочей истории в России. Появление ряда крупных исследований, посвященных различным проблемам истории рабочих, занятых на промышленных предприятиях [Журавлев, Мухин 2004], свидетельствует о возрождении интереса исследователей к наиболее популярной тематике советской исторической науки. В связи с этим методологическое замечание А.К. Соколова о рабочем классе России и СССР как конкретно-историческом образовании [Соколов 2003, с. 132] наполняется конкретным содержанием. Истина достаточно далека, как от утверждений об отсутствии в СССР в годы Первой пятилетки рабочего социума индустриального общества, так и о появлении в указанный период «социалистического» рабочего класса.

Реконструкция социального поведения рабочих России немыслима без понимания эволюции подлинной социальной структуры рабочих промышленности СССР. Отсутствие такого понимания стало непреодолимым препятствием на пути многих историков прошлого и настоящего. Исследования [Постников, Фельдман 2009] подтверждают справедливость теории социальной стратификации, согласно которой понятие «рабочий класс» правомерно рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. Поскольку собственность в СССР была национализирована, постольку исчезла и сама база для деления на классы. Классовые признаки становятся вторичными. На первый план в этакратическом обществе выходит и этакратический тип стратификации [Радаев, Шкоротан 1995].

Согласно данному делению общества, дифференциация между социальными группами происходит, прежде всего, по их положению во властно-государственной иерархии. Специфика системы этакратического типа заключается в том, что каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. Расширяя партийную прослойку

в составе промышленных рабочих, массив ударников, властные структуры стремились обрести управляемую и послушную опору в рабочем социуме.

В этом корневое сходство сословного деления дореволюционного социума и иерархии послереволюционного общества: в России и в СССР сохранялась слоевая социальная система, основанная на властных отношениях. Поддерживая подобную концепцию, заметим, что она имеет важное значение для изучения истории социокультурного облика рабочих промышленности России и СССР вне деления на досоветский и советский периоды.

Американский историк Льюис Сигельбаум, обратившись к вопросу о правомочности употребления понятия «класс» относительно социума советских рабочих, пришел выводу, что в свете пережитков патриархальных отношений, связей с деревней; кризиса «пролетарской идентичности» в годы Гражданской войны – говорить о классовом самосознании рабочих не приходится [Сигельбаум 2004]. Сигельбаум поддерживает мнение другого американского историка – Дона Филцера о том, что такое массовое социальное явление во второй половине 1920-х годов, как «выдвиженчество», не изменило «классового характера советского общества». Более того, лояльные отношения рабочих с непосредственным начальством зачастую подрывали постоянные мобилизационные кампании [Сигельбаум 2004, с. 61].

В постсоветский период внимание исследователей было обращено главным образом к вопросам материального положения рабочих [Илюхов 2010]. Менее исследована (как системное явление) тема рабочего протеста [Шильникова 2016], проблема обратной связи требований рабочих и изменения их социального положения. Разделяя это мнение, хочется сказать, что если в советское время «выдвиженцы» рассматривались как борцы с бюрократией, то ныне вскрыты многочисленные негативные стороны этого явления. Отсутствует, однако, исследование, способное дать объективную, всестороннюю оценку этого мобилизационного процесса.

Таким образом, в исторической литературе рассмотрены различные аспекты взаимодействия властных структур, ученых, специалистов и рабочих в годы Первой пятилетки. Неудача нэповского варианта советского проекта означала не только расставание с надеждами на возможность строительства социального государства без «ломки хребта» крестьянства; жизни в бедности рабочих и унижений интеллигенции, но и расчета возможности новой попытки менее болезненно повторно пройти стадию раннего капитализма.

Современным историкам удалось выявить и реконструировать механизмы конфликта между государством и обществом в годы Первой пятилетки, как «ценностного конфликта между модернизацией и традицией». Однако малоизученными остаются пути минимизации указанных противоречий; выявление сил, способных решать политические и экономические конфликты.

В чем заключалось конкретное воздействие рабочего социума на ход социальной политики в Советском государстве в годы Первой пятилетки? В какой степени ученые и специалисты смогли донести до корпуса управленцев и хозяйственников основные идеи экономической науки и внести их, даже в условиях острой борьбы двух ведомств – Госплана и ВСНХ, – в итоговый (оптимальный) вариант Плана первой пятилетки в конце 1920-х годов? Каким было воздействие хозяйственников на представителей власти в начале 1930-х годов? В какой степени прозрение пагубности прежнего экономического курса пришло к представителям советской элиты, включая Сталина? Поиск ответов на эти вопросы формирует основные задачи исследований по указанной теме.

Библиография

Батышев С.Л. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. М.: Экономика, 1974. 383 с.

Белов А.В. К вопросу о пространственном размещении факторов промышленности в современной России // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 9–28.

Белых А.А. История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. 3-е изд. М.: URSS. Издательство ЛКИ, 2011. 240 с.

Белых А.А. История советских экономико-математических исследований (1917 – начало 1960-х годов) Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 142 с.

Белянова А.М. О темпах экономического развития СССР. М.: Экономика, 1974. 174 с.

Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М.: Мысль, 1976. 264 с.

Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма: Краткая история социалистического соревнования в СССР. М.: Политиздат, 1984. 326 с.

Ворожейкин И.Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М.: Политиздат, 1975. 286 с.

Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1917–1940). Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. 214 с.

Гладков И.А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы**.** М.: Политиздат, 1989. 318 с.

ГУЛАГ: Экономика принудительного труда // Под ред. Л. И. Бородкина, П. Грегори, О. В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2005. 315 с.

Дробижев В.З. (и др.). Главный штаб социалистической промышленности. Очерки истории ВСНХ. 1917–1932. М.: Мысль, 1966. 285 с.

Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М.: Наука, 1975. 267 с.

Евдошенко Ю.В. Александр Серебровский. Вехи политической биографии // А.П. Серебровский. На нефтяном фронте. М.: Нефтяное хозяйство, 2015. С. 4–49.

Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 238 с.

Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. М.: Наука, 1979. 269 с.

Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 1920 – начале1930-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–43.

Илюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда. 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.

Исторический опыт Коммунистической партии по осуществлению ленинского плана социалистической индустриализации СССР. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1971. 417 с.

История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. 511 с.

История социалистической экономики: в 7 т. М.: Наука, 1977. Т. 3. 532 с.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПБ: Изд-во Европ. ун-та, 2002. 472 с.

Красильников С.А. «Великий перелом» как социальное действие и политика мобилизующей раннесоветское общество диктатуры // 1929: Великий перелом и его последствия: Материалы Двенадцатой международной конференции Екатеринбург. 26–28 сентября 2019 г. М.: РОССПЭН, 2020. С. 6–24.

Красильников С.А. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 9–22.

Красильников С.А., Савин А.И., Ушакова С.Н. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. М.: РОССПЭН, 2011. Кн. 1. С. 10–70.

Лейбович О.Л. Охота на красного директора. Пермь: изд-во Пермский гос. ин-т культуры, 2017. 236 с.

Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.

Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.

Маркевич А.В. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: 2004. С. 20–54.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–343.

Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.

Научно-техническая интеллигенция Урала в 1920-е–1930-е годы: дела и судьбы / Под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург: Рос. фонд культуры. 1993. 118 с.

Никитина А.О. Интеллигенция и власть на Урале: проблемы современной историографии // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 162–170.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 377 с.

Осокина Е.А. О социальном иммунитете или критическом взгляде на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. 5–7 декабря 2008. М.: РОССПЭН, 2011. С. 387–440.

Павлов К.С. Социальный облик директорского корпуса советских металлургических заводов в 1930–1940 гг. (по материалам Челябинской области). Автореферат дис.... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 27 с.

Панфилова А.М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. М.: изд-во МГУ, 1964. 176 с.

Погребинская В.А. Разработка методологии генерального плана в конце 1920-х – начале 1930-х гг. М.: Ин-т экономики АН СССР, 1979. 122 с.

Поликарпов В.В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 44–61.

Попов В., Шмелев Н. Была ли альтернатива сталинской модели развития // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 284–326.

Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.

Радаев В.В., Шкоротан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. 240 с.

Российская революция 1917 года: власть, общество культура: в 2-х томах // отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 1. 2017. 743 с.

Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 605 с.

Сенявский А.С. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 168–182.

Сигельбаум Л. Поздний роман с советским рабочим в западной историографии // Социальная история. Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 53–71.

Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.

Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4. С. 131–142.

Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф, 2012. 797 с.

Твердюкова Е.Д. Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Центр и регионы в истории России. Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2010. С. 412–430.

Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917−1929. М.: Наука, 1994. 166 с.

Фельдман М.А. Могла ли экономика Нэпа стать основой Индустриального проекта? // ЭКО. 2021. № 3. С. 2–21.

Фельдман М.А. Осмысление партийно-хозяйственной элитой СССР итогов Первой пятилетки: путь к прозрению не бывает легким // Гуманитарные науки Сибири. 2021. Т. 28. № 3. С. 76–84.

Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. С. 71–80.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Черемисинов Г.А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926 / 27–1928 / 29) // Экономическая история. Ежегодник. М.: Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 2006. С. 323–365.

Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

Шильникова И.В. Забастовки в советской промышленности в годы Первой пятилетки (по материалам информационных обзоров и сводок ОГПУ) // Экономическая история. 2016. № 4. С. 80–89.

Шпотов Б.М. Американский бизнес и СССР в 1920–1930 гг. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 316 с.

Шпотов Б.М. Капиталистов приглашали, чтобы с ними бороться: «из истории иностранных концессий в СССР» // Россия в контексте мирового развития: история и современность: к 90-летию академика РАН В.А. Виноградова. Сб. статей. М.: Собрание, 2011. С. 274–293.

Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010. 248 с.

Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012. 342 с.

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London: Macmillan Press, 1996. 612 p.

References

Batyshev S.L. Formirovanie kvalificirovannyh rabochih kadrov v SSSR. [Formation of skilled workers in the USSR]. Moscow: Economics. 1974. 383 p. (In Russ.)

Belov A.V. K voprosu o prostranstvennom razmeshhenii faktorov promyshlennosti v sovremennoj Rossii. Prostranstvennaja Jekonomika [On the question of the spatial placement of industrial factors in modern Russia. Spatial Economics]. 2012. N 2. P. 9–28. (In Russ.)

Belyanova A.M. O tempah jekonomicheskogo razvitija SSSR.M.: Jekonomika [On the pace of economic development of the USSR]. Moscow: Economics, 1974. 174 p.

Belykh A.A. Istorija rossijskih jekonomiko-matematicheskih issledovanij: pervye sto let. [History of Russian Economic and mathematical research: the first hundred years]. 3 rd ed. Moscow: URSS LKI Publishing House, 2011. 240 p. (In Russ.)

Belykh A.A. Istorija sovetskih jekonomiko-matematicheskih issledovanij (1917 – nachalo 1960-h godov) [History of Soviet Economic and Mathematical research (1917 – early 1960 s)] Leningrad: Publishing House of LSU. 1990. 142 p. (In Russ.)

Cheremisinov G.A. Ispol'zovanie rezervov jekstensivnogo rosta gosudarstvennogo predprinimatel'stva v SSSR (1926 / 27–1928 / 29). Jekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik [The use of reserves of extensive growth of state entrepreneurship in the USSR (1926 / 27–1928 / 29). Economic history. Yearbook]. Moscow: Publishing House of the Institute of Russian History of RAS, 2006. P. 323–365. (In Russ.)

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London: Macmillan Press, 1996. 612 p.

Drobizhev V.Z. (and others). Glavnyj shtab socialisticheskoj promyshlennosti. Ocherki istorii VSNH. 1917–1932. [The main headquarters of socialist industry. Essays on the history of VSNH. 1917–1932]. Moscow: Mysl, 1966. 285 p. (In Russ.)

Drobizhev V.Z., Sokolov A.K., Ustinov V.A. Rabochij klass Sovetskoj Rossii v pervyj god proletarskoj diktatury. (Opyt strukturnogo analiza po materialam professional'noj perepisi 1918 g.) [The working class of Soviet Russia in the first year of the proletarian dictatorship. (Experience of structural analysis based on the materials of the professional census of 1918)]. Moscow: Nauka, 1975. 267 p. (In Russ.)

Ehrlich A. Diskussii ob industrializacii v SSSR. 1924–1928 [Discussions about industrialization in the USSR. 1924–1928]. Moscow: Delo, 2010. 248 p. (In Russ.)

Evdoshenko Yu.V. Aleksandr Serebrovskij. Vehi politicheskoj biografii [Alexander Serebrovsky. Milestones of political biography]. A.P. Serebrovskij. Na neftjanom fronte. Moscow: Neftjanoe hozjajstvo, 2015. P. 4–49. (In Russ.)

Feldman M.A. Mogla li jekonomika Njepa stat' osnovoj Industrial'nogo proekta? [Could the Nep economy become the basis of an Industrial project?] ECO. 2021. N 3. P. 2–21. (In Russ.)

Feldman M.A. Osmyslenie partijno-hozjajstvennoj jelitoj SSSR itogov Pervoj pjatiletki: put' k prozreniju ne byvaet legkim. Gumanitarnye nauki Sibiri [Comprehension by the party and economic

elite of the USSR of the results of the First five-year plan: the path to enlightenment is not easy. Humanities of Siberia]. 2021. Vol. 28. N 3. P. 76–84. (In Russ.)

Gladkov I.A. K istorii pervogo pjatiletnego narodnohozjajstvennogo plana. Planovoe hozjajstvo [To the history of the first five-year national economic plan. Planned economy]. 1935. N 4. P. 106–142. (In Russ.)

Glavatsky M.E. KPSS i formirovanie tehnicheskoj intelligencii na Urale (1917–1940) [The CPSU and the formation of the technical intelligentsia in the Urals (1917–1940)]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1974. 214 p. (In Russ.)

Gordon L.A., Klopov E.V. Chto jeto bylo? Razmyshlenija o predposylkah i itogah togo, chto sluchilos' s nami v 30–40-e gody [What was it? Reflections on the prerequisites and results of what happened to us in the 30–40 s]. Moscow: Politizdat, 1989. 318 p. (In Russ.)

GULAG: Jekonomika prinuditel'nogo truda [GULAG: The Economics of Forced labor]. Edited by L.I. Borodkin, P. Gregory, O.V. Khlevnyuk. Moscow: ROSSPEN, 2005. 315 p. (In Russ.)

Ilyukhov A.A. Kak platili bol'sheviki: politika sovetskoj vlasti v sfere oplaty truda. 1917–1941 gg. [How the Bolsheviks paid: the policy of the Soviet government in the field of remuneration. 1917–1941]. Moscow. ROSSPAN, 2010. 415 p. (In Russ.)

Istoricheskij opyt Kommunisticheskoj partii po osushhestvleniju leninskogo plana socialisticheskoj industrializacii SSSR [The historical experience of the Communist Party on the implementation of the Leninist plan of socialist industrialization of the USSR]. Moscow: In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS, 1971. 417 p. (In Russ.)

Istorija socialisticheskoj jekonomiki [History of the Socialist Economy]: in 7 vol. Moscow: Nauka, 1977. Vol. 3. 532 p. (In Russ.)

Istorija sovetskogo rabochego klassa [History of the Soviet working class]: In 6 vol. Moscow: Nauka, 1984. Vol. 2. 511 p. (In Russ.)

Ivanov Yu.M. Polozhenie rabochih Rossii v 1920 – nachale1930-h gg. Voprosy istorii [The situation of the workers of Russia in the 1920 s- early 1930 s. Questions of History]. 1998. N 5. P. 28–43. (In Russ.)

Ken O.N. Mobilizacionnoe planirovanie i politicheskie reshenija (konec 1920 – seredina 1930-h godov) [Mobilization planning and Political decisions (late 1920 – mid 1930 s]. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta, 2002. 472 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Hozjain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalinskij period sovetskoj istorii. Istoricheskie tendencii i nereshennye problem. Ural'skij istoricheskij vestnik [The Stalinist period of Soviet history. Historical trends and unsolved problems. Ural Historical Bulletin]. 2017. P. 71–80. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. «Velikij perelom» kak social'noe dejstvie i politika mobilizujushhej rannesovetskoe obshhestvo diktatury. 1929: Velikij perelom i ego posledstvija: Materialy Dvenadcatoj mezhdunarod-noj konferencii Ekaterinburg. 26–28 sentjabrja 2019 g. [«The Great Turning point» as a social action and policy of the dictatorship mobilizing early Soviet society. 1929: The Great Turning Point and its consequences: Proceedings of the Twelfth International Conference Yekaterinburg. September 26–28, 2019]. Moscow: ROSSPEN, 2020. P. 6–24. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. Social'naja mobilizacija kak ob'ekt sociogumanitarnyh issledovanij. Teoreticheskie aspekty. Social'naja mobilizacija v stalinskom obshhestve (konec 1920-h – 1930-e gg.) [Social mobilization as an object of socio-humanitarian research. Theoretical Aspects. Social Mobilization in Stalin's Society (late 1920 s – 1930 s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2013. P. 9–22.

Krasilnikov S.A., Savin A.I., Ushakova S.H. Shahtinskij politicheskij process 1928 goda: istochniki v kontekste jepohi. Shahtinskij process 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi [Shakhta po-

litical process of 1928: sources in the context of the epoch. Shakhta process of 1928: preparation, conduction, results]: in 2 vol. Moscow: ROSSPEN, 2011. Vol. 1. P. 10–70.

Leibovich O.L. Ohota na krasnogo direktora [The hunt for the red director]. Perm: Perm State Institute of Culture Publishing House, 2017. 236 p. (In Russ.)

Lelchuk V.S. Socialisticheskaja industrializacija SSSR i ee osveshhenie v sovetskoj istoriografii [Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography]. Moscow: Nauka. 1975. 312 p. (In Russ.)

LelchukV.S. Industrializacija SSSR: istorija, opyt, problem [Industrialization of the USSR: history, experience, problems]. Moscow: Politizdat, 1984. 304 p. (In Russ.)

Markevich A.V. Byla li sovetskaja jekonomika planovoj? Planirovanie v narkomatah v 1930-e gg. Jekonomicheskaja istorija: Ezhegodnik. 2003 [Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930 s. Economic History: Yearbook. 2003]. Moscow: 2004. P. 20–54. (In Russ.)

Merle Sh. Sovetskaja jekonomika: sovremennye ocenki. Jekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik. 2016–2017 [The Soviet economy: modern assessments. Economic history. Yearbook. 2016–2017]. Moscow, 2017. P. 303–343. (In Russ.)

Mukhin M.Yu. [Sto let izuchenija njepa. Vremja podvodit' itogi? Rossijskaja istorija [One hundred years of studying NEP. Time to take stock? Russian History]. 2020. N 5. P. 3–14. (In Russ.)

Nauchno-tehnicheskaja intelligencija Urala v 1920-e – 1930-e gody: dela i sud'by. Pod red. M.E. Glavackogo [Scientific and technical intelligentsia of the Urals in the 1920 s – 1930 s: deeds and destinies. Edited by M.E. Glavatsky]. Yekaterinburg: Russian Cultural Foundation, 1993. 118 p. (In Russ.)

Nikitina A.O. Intelligencija i vlast' na Urale: problemy sovremennoj istoriografii. Izvestija Ural'skogo federal'nogo un-ta [Intelligentsia and power in the Urals: problems of modern historiography. Izvestia of the Ural Federal University]. Ser. 2. Humanities. 2007. Vol. 49. N 13. P. 162–170. (In Russ.)

Osokina E.A. O social'nom immunitete ili kriticheskom vzgljade na koncepciju passivnogo (povsednevnogo) soprotivlenija. Istorija stalinizma: itogi i problemy izuchenija. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 5–7 dekabrja 2008 [About social immunity or a critical look at the concept of passive (everyday) resistance. The history of Stalinism: results and problems of study. Materials of the international scientific conference. December 5–7, 2008]. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 387–440. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynok v snabzhenii naselenija v gody industrializacii. 1927–1941 [Behind the façade of «Stalin's abundance»: Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialisation. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 377 p.

Panfilova A.M. Formirovanie rabochego klassa SSS v gody pervoj pjatiletki [Formation of the working class of the SSS during the first fiveyear plan]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1964. 176 p. (In Russ.)

Pavlov K.S. Social'nyj oblik direktorskogo korpusa sovetskih metallurgicheskih zavodov v 1930–1940 gg. (po materialam Cheljabinskoj oblasti) [The social appearance of the director's corps of Soviet metallurgical plants in the 1930 s – 1940 s. (based on the materials of the Chelyabinsk region)]. Avtoreferat dis.... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2010. 27 p. (In Russ.)

Pogrebinskaya V.A. Razrabotka metodologii general'nogo plana v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. [Development of the methodology of the master plan in the late 1920 s – early 1930 s]. Moscow: In-t jekonomiki AN SSSR, 1979. 122 p. (In Russ.)

Polikarpov V.V. «Novoe napravlenie» – v starom prochtenii. Voprosy istorii [«New direction» – in the old reading. Questions of history]. 1989. N 3. P. 44–61. (In Russ.)

Popov V., Shmelev N. Byla li al'ternativa stalinskoj modeli razvitija. Osmyslit' kul't Stalina [Was there an alternative to the Stalinist model of development. To comprehend the cult of Stalin]. Moscow: Progress, 1989. P. 284–326. (In Russ.)

Postnikov S.P., Feldman M.A. Sociokul'turnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900–1941 gg. [Socio-cultural appearance of industrial workers of Russia in 1900–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 367 p. (In Russ.)

Radaev V.V., Shkorotan O.I. Social'naja stratifikacija [Social stratification]. Moscow: Nauka, 1995. 240 p. (In Russ.)

Rossija v gody grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii [Russia during the Civil War, 1917–1922: Essays on History and Historiography]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 605 p. (In Russ.)

Rossijskaja revoljucija 1917 goda: vlast', obshhestvo kul'tura [The Russian Revolution of 1917: power, society, culture]: in 2 vol. Ed. by Yu.A. Petrov. M.: ROSSPEN. Vol. 1. 2017. 743 p.

Senyavsky A.S. Byla li al'ternativa svertyvaniju novoj jekonomicheskoj politike? Voprosy teoreticheskoj jekonomiki [Was there an alternative to curtailing the new economic policy? Questions of theoretical economics]. 2020. N 3. P. 168–182. (In Russ.)

Shattenberg S. Inzhenery Stalina. Zhizn' mezhdu tehnikoj i terrorom v 1930-e gg. [Stalin's Engineers. Life between technology and terror in the 1930 s.] Moscow: ROSSPEN, 2011. 471 p. (In Russ.)

Shilnikova I.V. Zabastovki v sovetskoj promyshlennosti v gody Pervoj pjatiletki (po materialam informacionnyh obzorov i svodok OGPU). Jekonomicheskaja istorija [Strikes in Soviet industry during the First Fiveyear Plan (based on the materials of information reviews and summaries of the OGPU). Economic History]. 2016. N 4. P. 80–89. (In Russ.)

Shpotov B.M. Amerikanskij biznes i SSSR v 1920–1930 gg. [American business and the USSR in 1920–1930]. Moscow: Book House «LIBROCOM». 2012. 316 p. (In Russ.)

Shpotov B.M. Kapitalistov priglashali, chtoby s nimi borot'sja: «iz istorii inostrannyh koncessij v SSSR». Rossija v kontekste mirovogo razvitija: istorija i sovremennost': k 90-letiju akademika RAN V.A. Vinogradova [Capitalists were invited to fight them: «from the history of foreign concessions in the USSR». Russia in the context of world development: history and modernity: to the 90 th anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Vinogradov]. Collection of articles. Moscow: Sobranie, 2011. P. 274–293. (In Russ.)

Siegelbaum L. Pozdnij roman s sovetskim rabochim v zapadnoj istoriografii. Social'naja istorija. Ezhegodnik. 2004 [The Late Romance of the Soviet Worker in Western Historiography. Social History. Yearbook. 2004]. Moscow: ROSSPAN, 2005. P. 53–71.

Sokolov A.K. Ot voenproma k VPK: sovetskaja voennaja promyshlennost'. 1917 – ijun' 1941 g. [From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941]. Moscow: New chronograph. 2012. 527 p. (In Russ.)

Sokolov A.K. Perspektivy izuchenija rabochej istorii v sovremennoj Rossii. Otechestvennaja istorija [Prospects of studying working history in modern Russia. Russian History]. 2003. N 4. P. 131–142. (In Russ.)

Trukan G.A. Put' k totalitarizmu. 1917−1929 [The path to totalitarianism. 1917–1929]. Moscow: Nauka, 1994. 166 p. (In Russ.)

Tucker R. Stalin-diktator. U vlasti. 1928–1941 [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. 797 p.

Tverdyukova E.D. Prostranstvennoe razmeshhenie promyshlennosti i naselenija v SSSR v 1930-e gg. Centr i regiony v istorii Rossii. Problemy jekonomicheskogo, politicheskogo i sociokul'turnogo vzaimodejstvija [Spatial distribution of industry and population in the USSR in the 1930 s. The centre and the regions in Russian history. Problems of Economic, Political and Socio-Cultural Interaction]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2010. P. 412–430. (In Russ.)

Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. Rost rabochego klassa SSSR [The growth of the working class of the USSR]. 1917–1940. Moscow: Mysl, 1976. 264 p. (In Russ.)

Vorozheikin I.E. Letopis' trudovogo geroizma: Kratkaja istorija socialisticheskogo sorevnovanija v SSSR [Chronicle of labor heroism: A Brief History of Socialist Competition in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1984. 326 p. (In Russ.)

Vorozheikin I.E. Rost rabochego klassa SSSR. 1917–1940 gg. [An essay on the historiography of the working class of the USSR]. Moscow: Politizdat, 1975. (In Russ.)

Yasny N. Sovetskie jekonomisty 1920-h godov. Dolg pamjati [Soviet economists of the 1920 s. The debt of memory]. M.: Delo, 2012. 342 p. (In Russ.)

Zhuravlev S.V., MukhinM.Yu. «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivacija truda na sovetskom predprijatii, 1928–1938 gg. [«The Fortress of socialism»: Everyday life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN. 2004. 238 p. (In Russ.)

Zvezdin Z.K. Ot plana GOJeLRO k planu pervoj pjatiletki [From the GOELRO plan to the plan of the first fiveyear plan]. Moscow: Nauka, 1979. 269 p. (In Russ.)